

ВОЙНА АЛОЙ и БЕЛОЙ РОЗЫ

КРАХ ПЛАНТАГЕНЕТОВ
И ВОЦАРЕНИЕ ТЮДОРОВ

ДЭН ДЖОНС

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ
«ТАМПЛИЕРЫ» и «ПЛАНТАГЕНЕТЫ»

Суровые века: книги о Средневековье

Дэн Джонс

**Война Алой и Белой розы.
Крах Плантагенетов
и воцарение Тюдоров**

«Альпина Диджитал»

2014

Джонс Д.

Война Алой и Белой розы. Крах Плантагенетов и воцарение Тюдоров / Д. Джонс — «Альпина Диджитал», 2014 — (Суровые века: книги о Средневековье)

ISBN 978-5-00-139916-2

Автор бестселлеров «Тамплиеры» и «Плантагенеты» рассказывает об одной из самых захватывающих и трагических глав британской истории. В XV веке страна пережила череду длительных и кровопролитных гражданских войн. Корона Англии семь раз переходила из рук в руки, пока представители знатных родов боролись за право на власть. Дэн Джонс завершает свою эпическую историю средневековой Британии книгой о Войне Алой и Белой розы и показывает, как Тюдоры разгромили Плантагенетов и заполучили корону. Он ярко описывает блеск королевского двора и постигшие страну бедствия, интриги и заговоры, а также знаменитые сражения – и среди них битву при Таутоне, в которой погибло 28 000 человек, и при Босворте, где в бою пал последний король из династии Плантагенетов. Это реальные события, стоящие за знаменитыми историческими хрониками Шекспира, а также популярным сериалом Би-би-си и послужившие основой «Игры престолов».

ISBN 978-5-00-139916-2

© Джонс Д., 2014

© Альпина Диджитал, 2014

Содержание

Карты	8
Генеалогические таблицы	11
От автора	13
Предисловие	14
Часть I	21
Король всего мира	21
«Мы были в полном здравии»	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Дэн Джонс

Война Алой и Белой розы. Крах Плантагенетов и воцарение Тюдоров

Переводчик *Анастасия Макарова*

Научный редактор *Николай Сайнаков, канд. ист. наук*

Редактор *Наталья Нарциссова*

Издатель *П. Подкосов*

Руководитель проекта *А. Казакова*

Ассистент редакции *М. Короченская*

Арт-директор *Ю. Буга*

Компьютерная верстка *А. Ларионов*

Корректоры *Н. Витько, И. Панкова*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Dan Jones, 2014

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

* * *

ДЭН ДЖОНС

ВОЙНА АЛОЙ
и БЕЛОЙ РОЗЫ

КРАХ ПЛАНТАГЕНЕТОВ
И ВОЦАРЕНИЕ ТЮДОРОВ

Перевод с английского

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН
Москва
2023

*Посвящается Джо
Кто ведает сейчас,
Где доведется быть ему,
Когда мицует год?
Неизвестный автор, 1445*

*Присядем. Пусть расскажут нам преданья
Печальные о смерти королей:
Одни из них низложены; другие*

*В бою погибли; тех сгубили духи
Низложенных с престола жертв; иных
Их собственные жены отравили;
Иные же зарезаны во сне:
Убиты все. Внутри пустой короны,
Венчающей нам бранные виски,
Смерть держит двор...¹*
Уильям Шекспир. Ричард II (около 1595)

---

¹ Пер. А. И. Курошевой.

Карты

1. Франция и Нижние земли
2. Англия и Уэльс в XV веке
3. Земельные владения английской знати в Англии и Уэльсе

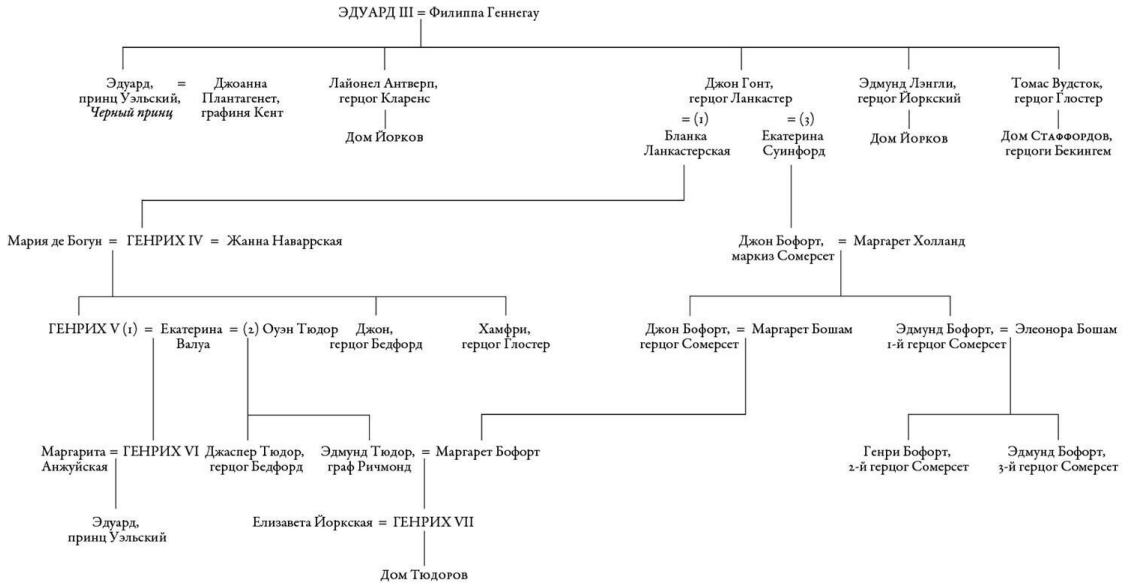
1. Франция и Нижние земли

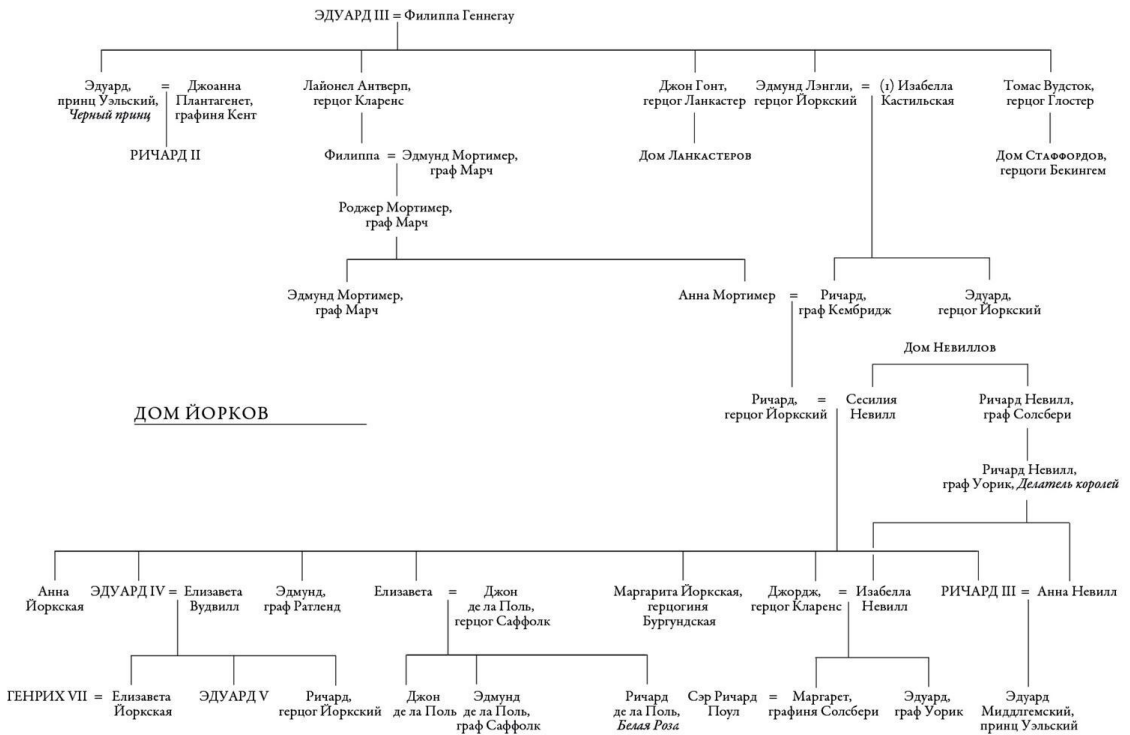

Генеалогические таблицы

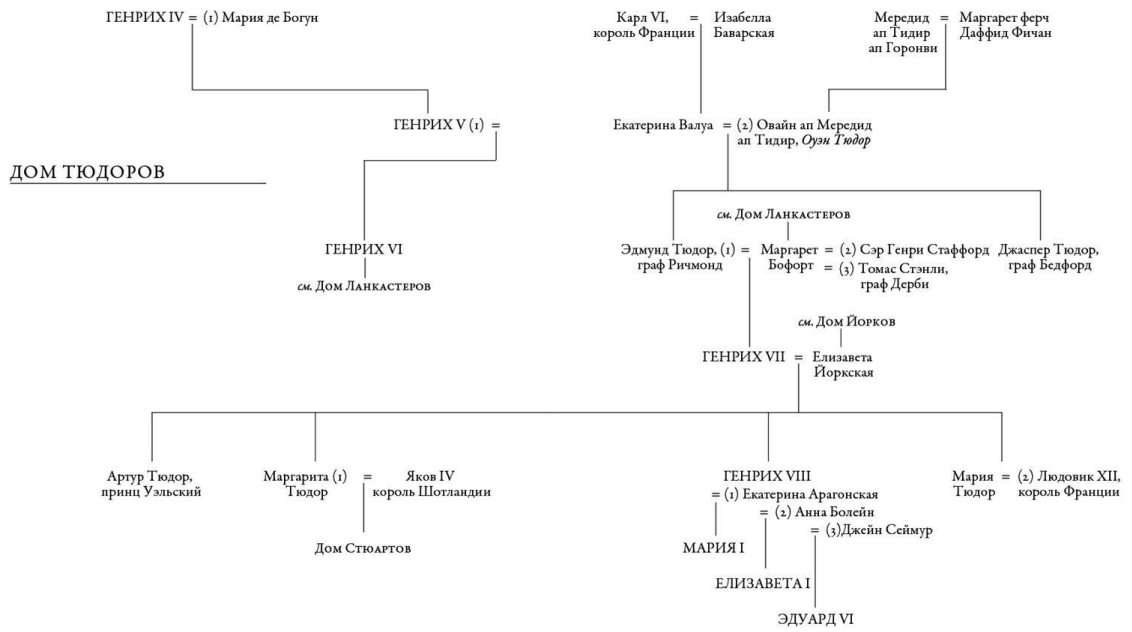
Дом Ланкастеров
Дом Йорков
Дом Тюдоров

ДОМ ЛАНКАСТЕРОВ

ДОМ ЙОРКОВ

От автора

Там, где это уместно, денежные суммы переведены в современную валюту с помощью сайта <http://www.nationalarchives.gov.uk/currency/>. Однако читателям стоит иметь в виду, что преобразование старинных денежных величин – поразительно неточная область науки и приведенные цифры предназначены для общего ознакомления. Сто фунтов 1450 года равнялись бы примерно 55 тысячам фунтов (или 90 тысячам долларов) сегодня. Эту сумму за десять лет в середине XV века зарабатывал простой работник.

Там, где указано расстояние между двумя точками, оно измерено при помощи Google Maps Walking Directions и поэтому представляет собой кратчайший маршрут с учетом современных дорог.

Генеалогические древа в начале книги призваны прояснить сложные династические связи, которые будут упомянуты ниже. Руководствуясь здравым смыслом и в целях экономии места, я их упростил. Кое-где братья и сестры располагаются не в порядке старшинства.

Предисловие

Война Роз: правда или выдумка?

В семь часов утра пятницы 27 мая 1541 года в залитый солнцем внутренний двор лондонского Тауэра вышла пожилая женщина. Ее звали Маргарет Поул. По рождению и крови она была одной из самых знатных особ Англии. Ее отец Джордж, герцог Кларенс, приходился королю родным братом, а мать, Изабелла Невилл, в свое время была сонаследницей одного из крупнейших графств в стране. Родители Маргарет давно умерли, превратившись в тени другой эпохи, предыдущего столетия.

Маргарет прожила долгую и удивительную жизнь. В течение двадцати пяти лет она была графиней Солсбери и одной из двух женщин, которые в то время получили пэрство не по мужу. Еще совсем недавно она владела землями в семнадцати графствах и была одной из пяти самых богатых аристократок своего поколения. Теперь, в 67 лет – по меркам эпохи Тюдоров этот возраст считался глубокой старостью – она казалась современникам настолько древней старухой, что ей давали и 80, и 90 лет².

Как и многие обитатели Тауэра, Маргарет Поул была узницей. Два года назад она лишилась земель и титулов после того, как парламент издал акт, обвинявший ее в том, что она «сотворила и совершила различные многообразные, отвратительные и гнусные предательства» по отношению к своему двоюродному племяннику Генриху VIII. В чем конкретно заключалась ее измена, было не вполне ясно, так как преступления Маргарет перед короной носили очень общий характер. Во-первых, она была близкой родственницей короля, а во-вторых, с подозрением относилась к принятой им новой доктрине христианской веры, получившей популярность в Европе в последние двадцать лет. Именно по этим двум причинам вот уже полтора года она обитала в неприступной лондонской крепости, побеленная центральная башня которой ошетилилась пушками.

В тюрьме Маргарет жилось неплохо. Для аристократа XVI века тюрьма означала ограничение в перемещениях, которое смягчали сносные и даже роскошные условия. И она сделала все возможное, чтобы ее жизнь взаперти отвечала высочайшим стандартам. Она намеревалась отбывать заключение с комфортом, и, если условия ее не устраивали, Маргарет жаловалась³. До того как ее перевезли в Лондон, она провела год в Коудри-Хаусе в Западном Сассексе под надзором крайне сдержанного Уильяма Фицуильяма, графа Саутгемптона. Пылкое негодование, с которым Маргарет относилась к своему заключению, утомляли графа и его жену, и они были рады, когда ее увезли.

В Тауэре Маргарет могла писать письма родственникам, в ее распоряжении были слуги, ей подавались дорогостоящие кушанья. Ее дворянская гордость не страдала. Чуть раньше для нее наняли портного королевы Екатерины – он должен был сшить для Маргарет новый гардероб. И вот всего пару недель назад прибыло несколько вещей, заказанных и оплаченных самим королем. Генрих также прислал родственнице пару ночных рубашек, одну – отороченную мехом, вторую – из кипрского шелка, а кроме того, нижние юбки, чепцы, чулки, четыре пары обуви и пару новых домашних туфель. Всего за полгода на одежду для Маргарет потратили более 15 фунтов – в то время примерно столько простой работник зарабатывал за два

---

² Посол Франции в Англии Шарль де Марийяк думал, что Маргарет было «больше восьмидесяти лет», Эсташ Шапюи, посол императора Священной Римской империи, считал, что ей «почти девяносто». L&P XVI 868; CSP Spain, 1538–1542, 166.

³ Здесь и далее см.: Н. Pierce, *The Life, Career and Political Significance of Margaret Pole, Countess of Salisbury 1473–1541* (University of Wales, Bangor, 1996), гл. 8.

года. Так что, когда прохладным пятничным утром Маргарет вышла во двор, она могла успокаивать себя тем, что встретит смерть в новых туфлях.

К казни готовились второпях. О том, что король приговорил ее к смерти, Маргарет узнала всего за несколько часов до того. Этого времени было ничтожно мало, чтобы пожилая дама могла душой и телом подготовиться к концу. В донесении, отправленном исключительно хорошо информированному о делах Англии послу Священной Римской империи Эсташу Шапюи, говорилось, что графиня «считала все это очень странным», так как понятия не имела ни о том, «в каком преступлении ее обвиняют, ни о том, как ее приговорили к казни». Какую именно угрозу слабая пожилая женщина могла представлять для такого могущественного и самонадеянного короля, как Генрих VIII, мало кто понимал.

Немногочисленные зеваки собрались посмотреть на казнь. Они окружили жалкую, совсем маленькую плаху, впопыхах поставленную на землю, а не поднятую, как это было принято, на эшафот. По свидетельству Шапюи, когда Маргарет подвели к плахе, она вручила душу Творцу и попросила присутствующих молиться за короля Генриха, королеву Екатерину, двухлетнего сына короля Эдуарда и за свою крестную дочь, двадцатипятилетнюю принцессу Марию. Но пока пожилая женщина обращалась к малочисленной толпе (Шапюи отмечал, что собралось около 150 человек, французский посол Шарль де Марийяк насчитал и того меньше), беспокойство вокруг нарастало. Ей велено было поторопиться и положить голову на небольшую деревянную колоду.

Постоянный палач Тауэра в то утро не работал. Он сопровождал короля Генриха в поездке на север, к дальней границе королевства, где требовалось устранить угрозу возможного восстания против короны. Поэтому топор доверили помощнику, совсем еще молодому человеку, который не успел в достаточной мере овладеть сложнейшим искусством обезглавливания (Шапюи описывал его как «жалкого неумелого юнца»). Это было ему не по силам. С эпохи норманнского завоевания только одну благородную даму казнили отрубанием головы, а именно – вторую жену короля Анну Болейн. Одним ударом это сделал специально приглашенный французский палач. Но сейчас было совсем другое дело, и несчастный юнец это понимал. По сигналу он опустил топор на плаху, но, вместо того чтобы одним четким движением перерубить Маргарет шею, лезвие обрушилось на плечи и голову женщины. Она не умерла. Он ударил еще раз и снова промахнулся. Палачу потребовалось еще несколько взмахов топором, чтобы покончить с Маргарет. Это была по-настоящему варварская расправа, неумелый палач буквально изрубил верхнюю часть тела женщины на куски. Каждого, кто узнавал об этом, поражала омерзительная жестокость произошедшего. «Да помилует Господь Всемиловитый ее душу, ибо она была самой благочестивой и благородной дамой», – писал Шапюи⁴.

С одной стороны, Маргарет Поул стала очередной жертвой религиозных войн, бушевавших в XVI веке, в которых сражались сторонники старой римско-католической веры и разрозненные группировки приверженцев новой веры – протестантизма. Эти войны принимали разные формы. Иногда их вели королевства, но гораздо чаще религиозные войны выливались в гражданские и династические столкновения внутри государства. Именно так и обстояли дела в Англии в 1540-е годы, и казнь Маргарет стала частью спланированного удара короля-реформатора по влиятельной семье, которая держалась старой веры.

Но с другой стороны, ее смерть можно рассматривать как заключительный эпизод долгого периода, начавшегося почти за сто лет до этого, когда волна насилия вовсе не по религиозным причинам захлестнула страну. Причиной политических и личных распрей стала борьба за гегемонию в условиях медленного, но неуклонного ослабления королевской власти с конца 1440-х. Принято считать, что конец этой борьбе положило восшествие на престол Генриха

---

⁴ CSP Spain, 1538–1542, 166.

Тюдора, ставшего Генрихом VII, в 1485 году и то, что в 1487 году он отстоял престол в битве при Стоук-Филд. Но в действительности эта вражда сказывалась на политической жизни и в XVI веке и, конечно же, сыграла свою роль в том, что Маргарет Поул, последняя представительница династии Плантагенетов и живой осколок той эпохи, которую мы сегодня называем Войной Алой и Белой розы, закончила свою жизнь на плахе.

Жертвами этих конфликтов стали десятки близких и дальних родственников Маргарет. Ее отцу Джорджу, герцогу Кларенсу, было всего двадцать восемь, когда по приказу брата, короля Эдуарда IV, его казнили за измену, утопив в бочке со сладким греческим вином мальвазией. Поговаривали, что в память об этом Маргарет всегда носила на браслете миниатюрный винный бочонок⁵. Оба ее дяди по отцовской линии были убиты в решающих сражениях 1470–1480-х. Двое ее дедушек тоже погибли на поле боя, и голову одного из них с прибитой бумажной короной подняли на шесте над городскими воротами Йорка. Брат Маргарет, Эдуард, граф Уорик, за которым этот титул официально так и не признали, большую часть жизни провел в заключении в лондонском Тауэре. В ноябре 1499 года, когда поползли слухи о том, что заговорщики хотят освободить двадцатичетырехлетнего Эдуарда из тюрьмы, Генрих VII приказал отрубить ему голову. Старшего сына Маргарет, Генри Поула, барона Монтегю, казнили в январе 1539 года. Старший внук, наследник титула Монтегю, которого тоже звали Генри, умер в заключении в Тауэре после 1542 года. История семьи Поул с 1470-х по 1540-е годы – это история ее жестокого истребления тремя разными монархами. Случай Поулов далеко не уникален, но они стали последней могущественной аристократической династией, полностью уничтоженной в ходе Войны Роз.

Убийства знатных мужчин и женщин в Англии были привычным делом, но это несколько не умалило того потрясения, которое вызвала в Европе бессердечная расправа над Маргарет Поул. К 13 июня весть о казни достигла Антверпена, а неделей позже о ней узнали при дворе императора⁶. В начале августа второй сын графини, Реджинальд Поул, перебежчик и католический священник, дослужившийся до сана кардинала, с горечью писал архиепископу Бургоса Хуану Альваресу де Толедо о том, что его мать «погибла не по закону природы, а была жестоко убита тем, от кого этого следовало менее всего ожидать, так как он был ее племянником». Единственным утешением для Реджинальда стало то, что его мать приняла мученическую смерть. «Испытать те же страдания, что Христос, его апостолы, многие мученики и невинные девы, – это не позор», – писал Поул. Тем не менее далее он с неприязнью сравнил Генриха VIII с тиранами Античности: Иродом, Нероном и Калигулой: «В своем беззаконии этот человек намного превзошел их в жестокости и, прикрываясь подобием справедливости, казнил невиннейшую женщину, которая была его родственницей, дожившей до преклонных лет, и славилась своей добродетелью»⁷.

Однако было бы лицемерием изображать Генриха VIII бессердечным убийцей в ряду добродетельных королей. Он, бесспорно, отличался жестокостью и беспощадностью, в том числе в отношении членов собственной семьи, но такие уж были времена. Смерть Маргарет определенно положила конец кровавой резне, продолжавшейся с 1450-х годов. В тот момент, когда ее изуродованное тело упало на землю, во всей Англии едва ли удалось бы сыскать человека, в чьих жилах текла хотя бы капля крови королевской династии Плантагенетов, за исключением самого Генриха VIII и троих его детей. Кровавое пролитие длиной почти в столетие завершилось не по чьей-то воле, а само по себе, потому что все возможные жертвы были уже мертвы.

---

⁵ D. Seward, *The Last White Rose: Dynasty, Rebellion and Treason – The Secret Wars against the Tudors* (London, 2010), 291.

⁶ CSP Venice, V (1534–1554) 104–106.

⁷ Там же, с. 108.

Одной из первых выражение «Войны Роз» использовала британская писательница XIX века и королевская наставница леди Мария Калькотт. Ее детская книга «История Англии для маленького Артура» впервые была опубликована в 1835 году. Описывая вооруженные конфликты, захлестнувшие Англию в XV веке, Калькотт писала: «На протяжении более чем тридцати последующих лет гражданские войны в Англии называли Войнами Роз»⁸. Она одновременно была права и ошибалась. Эта формулировка не встречается нигде до первой четверти XIX века, но представление о том, что страну разрывали на части соперничавшие друг с другом дома Ланкастеров и Йорков, чьими эмблемами соответственно были алая и белая розы, уходит корнями в XV век.

В Средние века розы во всей Европе были очень популярным символом и в зависимости от их цвета использовались в политике, литературе, искусстве и имели различное, порой противоположное значение. Джованни Боккаччо, итальянский поэт XIV века, в «Декамероне» использовал красную и белую розы как метафору переплетенных друг с другом любви и смерти⁹. В манускриптах розы рисовали на полях, ими же украшали заглавные буквы в молитвенниках, календарях и научных текстах¹⁰. Семьи английских аристократов использовали розы на гербах как минимум с XIII века, со времен правления Генриха III¹¹. Но с конца XV века в Англии алые и белые розы все чаще ассоциировались с судьбами претендентов на корону.

Первой королевской розой была белая роза дома Йорков, потомков Ричарда, герцога Йоркского, который заявил о своих правах на престол в 1460 году. Его сын Эдуард в 1461 году стал королем Эдуардом IV, и белая роза стала одним из символов, сопровождавших его правление. И в самом деле, в юности Эдуарда называли «розой Руана», и после одержанных им военных побед его сподвижники распевали «да будет благословен этот цветок!»¹². Спустя пару десятков лет белая роза превратилась в знак памяти об Эдуарде, особенно у тех, кто стремился подчеркнуть свою близость к нему и продемонстрировать право первенства на трон.

Красная роза встречалась гораздо реже, но в 1480-е этот символ позаимствовал и повсеместно стал использовать Генрих Тюдор (будущий Генрих VII). Из монархов впервые о красной розе вспомнил Генрих Болингброк (позже Генрих IV), который во время знаменитого судебного поединка с Томасом Моубреем в 1398 году приказал украсить свои павильоны цветами¹³. По некоторым не слишком надежным свидетельствам, красные розы также были связаны с внуком Генриха IV – Генрихом VI. Но только после битвы при Босворте в 1485 году они расцвели на королевском гербе, подчеркивая право Генриха VII на корону и его связь со старыми герцогами Ланкастерскими. В то время красную розу противопоставляли белой, пытаясь сделать имевшие мало оснований притязания Тюдоров на престол более весомыми («для мести Белой Алая роза расцвела», – писал хронист, усердно следуя генеральной линии, выработанной после битвы при Босворте)¹⁴. По приказу Генриха VII писцы, художники и библиотекари покрывали документы красными розами, подчас перерисовывая иллюстрации в манускриптах, принадлежавших предыдущим монархам, и добавляли роскошные миниатюры с вплетенным в них любимым цветком короля¹⁵.

⁸ M. Calfcott, *Little Arthur's History of England* (London, 1835), 112. For further historical uses and development of the phrase, see OED 'Rose', 6a. Eng. Hist.

⁹ W. A. Rebhorn (ed. and trans.), *The Decameron*, Giovanni Boccaccio (London/New York, 2013), 351 n. 3.

¹⁰ См., например: BL Arundel 66 f. 1v; BL Egerton 1147 f. 71; BL Royal 16 f. 173v.

¹¹ Особенно семья Д'Арси, см.: H. Gough and J. Parker, *A Glossary of Terms Used in Heraldry* (London, 1894), 500–501.

¹² Robbins, R. H. (ed.), *Historical Poems of the Fourteenth and Fifteenth Centuries* (New York, 1959), 215–218.

¹³ B. Williams, *Chronique de la traison et mort de Richart Deux roy Dengleterre* (London, 1846), 151; см. примечание 24 к главе «Суди меня, Боже».

¹⁴ H. Riley (ed.), *Ingulph's Chronicle of the Abbey of Croyland with the Continuations of Peter of Blois and Anonymous Writers* (London, 1908) (hereafter *Croyland Continuations*), 506.

¹⁵ Хорошим примером служит заказанная Эдуардом IV книга BL 16 F II (особенно f. 137). Ее не успели закончить до смерти Эдуарда, и при Генрихе VII художники обильно украсили ее красными розами и другими символами Ланкасте-

Все чаще о красной розе вспоминали, обращаясь к прошлому, – после 1485 года ей на смену пришла так называемая роза Тюдоров, состоявшая из белой и алой роз, которые то накладывались друг на друга, то были разделены на четверти, то переплетались друг с другом. Роза Тюдоров символизировала слияние двух враждовавших династий Ланкастеров и Йорков и политическое единство, которое, как считалось, было достигнуто, когда в 1486 году Генрих VII женился на дочери Эдуарда IV Елизавете Йоркской. Этот новый символ придал английской политике романтический оттенок. Полвека распрей и кровопролитий объяснялось расколом двух семей, которые теперь примирил брак, призванный объединить их и покончить с междоусобицей. Когда в 1509 году на трон взошел сын Генриха VII Генрих VIII, придворный поэт Джон Скелтон, который рос в период жесточайших столкновений, писал: «Из розы алой и розы белой теперь выросла одна роза». Таким образом, идея о «войне Алой и Белой розы» и, что еще важнее, о том, что конец ей положило воцарение Тюдоров, стала к началу XVI века общим местом. Такое прочтение событий прижилось, потому что предлагало простой и мощный сюжет, историю, которая делила мир если не на черное и белое, то на красное и белое и безоговорочно подтверждала права Тюдоров на трон. И более поздние авторы – историки эпохи Тюдоров Эдвард Холл и Рафаэль Холинshed, драматурги елизаветинского времени, такие как Уильям Шекспир, мыслители XVIII века, например Даниэль Дефо и Дэвид Юм, романисты XIX века, такие как Вальтер Скотт, – не могли удержаться от соблазна и, описывая войны того времени, упоминали розы. Но можно ли считать это правомерным?

Увы, нет. Современные историки пришли к заключению, что Войны Роз, несмотря на столь привлекательное название, были гораздо более сложным и непредсказуемым явлением. Период с середины до конца XV века был отмечен вспышками жесточайшего насилия, беспорядками, военными столкновениями и кровопролитием. Так часто силой трон не захватывали больше никогда, королевская власть ослабла, английское дворянство участвовало в военных политических переворотах, это было время убийств, измен, заговоров и мятежей. Прямые потомки последнего короля из династии Плантагенетов, Эдуарда III, были безжалостно истреблены, после чего на сцене появилась новая династия Тюдоров, претендовавшая на престол по праву крови, которое в их случае было как минимум весьма зыбким, если существовало вообще. В этот опасный и нестабильный период политическую жизнь Англии определяли неординарные личности – мужчины и женщины, порой проявлявшие невообразимую жестокость и бесчеловечность. Масштаб насилия, размах и количество сражений, быстро меняющиеся симпатии и устремления соперников, а также невиданные доселе проблемы, с которыми они сталкивались, озадачивали современников и до сих пор ставят в тупик многих историков. В этом одна из причин, почему простое объяснение, будто это история двух враждующих семейств, которые сперва разошлись, а затем воссоединились, возникнув в XVI веке, просуществовало так долго. К тому же в XVI веке именно эта версия продвигалась по политическим соображениям. Тюдоры, особенно Генрих VII, активно насаждали миф о красной и белой розе, опираясь на те же методы пропаганды, что использовались во время Столетней войны для поддержки англо-французской монархии. И они весьма в этом преуспели. Даже сегодня, после того как несколько поколений историков предлагали более глубокое объяснение подоплеки Войны Алой и Белой розы, опираясь на исследования позднесредневекового права, экономики, культуры и политической мысли, как только на экране, в массовой литературе или прессе речь заходит о XV веке, в первую очередь всплывает история противостояния Ланкастеров и Йорков. Победа осталась за Тюдорами: само понятие «Война Роз» показывает, насколько эта династия преуспела в том, чтобы овеять себя легендой. В искусстве мифотворчества ей не было равных.

В этой книге пересекаются несколько историй. Прежде всего мне хотелось нарисовать максимально правдивую картину той суровой тревожной эпохи и, насколько это возможно, избежать позднейших искажений историографии времен Тюдоров и XVI века и показать, каким на самом деле был XV век. Нам сразу же бросятся в глаза катастрофические последствия почти полного краха королевской власти в правление Генриха VI. Он взшел на престол плачущим младенцем, а завершил свое правление неуклюжим глупцом, умудрившимся спровоцировать невиданный доселе в Европе позднего Средневековья конфликт. Это история не о тщеславных аристократах, пытавшихся устроить переворот ради личной выгоды, не о «бастардном феодализме» и о том, как «сверхмогущественные дворяне» замыслили погубить королевство, в чем в разное время видели причину войн. Это история государства, на которое со всех сторон сыпались бедствия, государства, пострадавшего от неумелого правления. Это история о королевстве, которое погрузилось в пучину гражданской войны, несмотря на все попытки его самых влиятельных подданных предотвратить катастрофу.

Благодаря усилиям ряда одаренных мужчин и женщин бездарное правление Генриха VI продлилось почти тридцать лет. Но на большее их не хватило. Во второй части истории мы обратимся к тому, какие последствия повлекло за собой решение человека, который посчитал, что для погрузившегося во тьму королевства лучше будет не помогать слабому монарху править более разумно, а отодвинуть его в сторону и самому надеть корону. Средства, которые Ричард, герцог Йоркский, использовал для достижения этой цели, были не новы, но привели к разрушительным последствиям. Кризис власти дополнился кризисом легитимности, так как йоркисты утверждали, что они не просто смогут править страной более эффективно, а будут делать это по праву крови. Вторая часть нашей истории описывает, как развивался и в итоге разрешился конфликт в период правления деятельного и предприимчивого короля Эдуарда IV, который восстановил власть и престиж короны, наладил грамотное управление страной, и к моменту его смерти обстановка в Англии отчасти нормализовалась.

В третьей части мы попробуем ответить на простой вопрос: как все-таки в этих обстоятельствах Тюдорам удалось стать королями и королевами Англии? Семья, появившаяся в результате невероятного тайного брака овдовевшей французской принцессы и ее уэльского слуги в конце 1420-х, никогда не должна была оказаться рядом с тронном. Тем не менее, когда в 1483 году Эдуард IV умер и его брат Ричард III захватил власть и убил сыновей Эдуарда, Тюдоры внезапно вышли на авансцену. Третья линия нашего рассказа описывает их путь к тому, чтобы стать королевской династией, самой величественной и грандиозной в истории Англии. Эта победоносная семья могла родиться только из хаоса и резни XV века, и, только продолжая проливать кровь, могла она удержаться на вершине. В этой книге, помимо истории Войны Алой и Белой розы, мы погрузимся еще глубже в раннюю историю Тюдоров и постараемся увидеть их такими, какими они действительно были в XV веке, а не такими, какими они предстают в созданных ими же мифах.

Также речь пойдет о борьбе Тюдоров за трон после 1485 года, о том, как формировалась их история Войны Роз и как они создали настолько популярную и убедительную версию событий XV века, что она не только стала главной в историческом дискурсе XVI века, но и дожила до наших дней.

В этом и состоит моя цель. В предыдущей своей книге «Плантагенеты»¹⁶ я рассказал о том, как была основана величайшая династия средневековой Англии. Теперь же речь пойдет о том, как она была уничтожена. Две эти книги не совсем следуют друг за другом хронологически, но, надеюсь, дополняют друг друга. Здесь, как и раньше, я хотел бы рассказать невероятную историю королевской семьи так, чтобы это было научно обоснованно, информативно и увлекательно. Как всегда, я благодарен моему блестящему литературному агенту Джорджине

---

¹⁶ Джонс Д. Плантагенеты: Короли и королевы, создавшие Англию. – М.: Альпина нон-фикшн, 2022.

Кейпел за терпение и хорошее настроение. Я также бесконечно благодарен проницательному редактору из издательства Faber в Великобритании Уолтеру Донохью и не менее прекрасной Джой де Менил из издательства Viking в США. Благодаря им и их команде писать эту книгу было сплошным удовольствием. Я также благодарен сотрудникам библиотек, архивов, замков и мест сражений, которые я посетил, пока работал над книгой. Отдельно хотел бы поблагодарить сотрудников Лондонской библиотеки, Британской библиотеки и Национального архива, где последние пару лет я проводил много времени. Я посвящаю эту книгу своей жене, Джо Джонс, которая вместе с нашими дочерьми, Вайолет и Иви, снова с любовью и юмором сносила мое сочинительство.

Но вернемся к нашему рассказу. Чтобы до конца понять, как правление Плантагенетов потерпело крах и как была основана династия Тюдоров, нам следует начать не с 1450-х, когда английская политика начала трещать по швам из-за насилия и военных действий, не с 1440-х, когда появились первые признаки политического кризиса, и даже не с 1430-х, когда родились первые «английские» предки королей из династии Тюдоров. Мы начнем рассказ с 1420 года, когда Англия была могущественнейшей державой Западной Европы, английский монарх слыл властелином мира и представлялось, что впереди страну ждет блестящее будущее. Мысль о том, что при жизни всего одного поколения Англия превратится в самое беспокойное королевство Европы, тогда показалась бы абсурдной. Как и большинство трагедий, наш рассказ начинается с момента славы. Что ж, вперед!

Дэн Джонс

Баттерси, Лондон, февраль 2014 года

Часть I Истоки 1420–1437

*Мы были в добром здравии.
Король Генрих VI*

Король всего мира

Она вышла замуж за солдата. В воскресенье на Троицу, в июне 1420 года, незадолго до полудня, под звуки торжественной музыки в изящной приходской церкви Сен-Жан-о-Марше в Труа собрались роскошно одетые лорды, рыцари и благородные дамы. Они прибыли сюда для того, чтобы стать свидетелями союза двух великих семей, долгое время враждовавших друг с другом. Венчание по французскому образцу провел архиепископ Санса, и Екатерина Валуа, младшая дочь безумного короля Франции Карла VI и измученной его недугом Изабеллы Баварской, стала женой английского короля Генриха V.

Екатерине к тому времени исполнилось восемнадцать. У нее были тонкие черты лица, маленький аккуратный рот, высокие скулы и круглые глаза. Хрупкая шея слегка склонялась на одну сторону, но это был единственный недостаток принцессы, находившейся в расцвете юности. Она выходила замуж за закаленного в боях воина. У Генриха были плотно сжатые губы и длинный нос, которым отличались все короли из династии Плантагенетов. А темными, слегка навывкате глазами он напоминал отца, Генриха IV. Волосы короля были коротко острижены по тогдашней моде, на хмуром, гладко выбритом лице виднелись шрамы. Глубокую отметину на щеке справа от носа он получил во время сражения, когда ему было всего шестнадцать, – наконечник стрелы вошел так глубоко, что извлекал его полевой хирург. В свои тридцать три Генрих V был самым искусным воином среди европейских правителей. И в день собственной свадьбы выглядел он соответственно. «От него и его приближенных исходила такая торжественность и величие, как будто в тот миг он был королем всего мира», – писал высокородный и имевший обширные связи французский хронист Ангерран де Монстреле¹⁷.

Две недели кряду в разоренных войной окрестностях Труа, древней столицы графства Шампань в ста милях к юго-востоку от Парижа, яблоку негде было упасть от английских солдат. Генрих приехал в город 20 мая вместе с двумя братьями: Томасом, герцогом Кларенсом, и Джоном, герцогом Бедфордом. Их сопровождало множество высокородных военачальников и около 1600 рядовых, по большей части лучников. Места в пределах городских стен не хватило, и простые солдаты расположились в окрестных деревнях. Сам король остановился в западной части города в гостинице «Корона» рядом с рыночной площадью. Отсюда он величественно наблюдал за финальными стадиями переговоров о мире между воюющими королевствами Англии и Франции.

Отец нынешнего короля умер семь лет назад – в 1413 году, – и за это время ему удалось навести порядок в беспокойном королевстве. При Генрихе IV на страну обрушивался один кризис за другим, и многие из них корнями уходили в 1399 год, когда Генрих сверг с престола Ричарда II и, после того как тот попытался бежать из тюрьмы, отдал приказ убить его. Шаткое правление Генриха IV началось с кровопролития.

---

¹⁷ T. Johnes (ed.), The Chronicles of Enguerrand de Monstrelet, I 439.

Ричард не был популярным королем, но захват трона Генрихом IV поставил легитимность власти под сомнение. Генриху постоянно не хватало средств, Уэльс сотрясали мятежи под предводительством Овайна Глендура. Непокойно было и на севере, где во время одного из восстаний архиепископу Йоркскому отрубили голову как изменнику. Король часто и подолгу болел, что привело к конфликту с сыновьями (особенно с младшим Генрихом), стремившимися править от его имени. Опорой королевской власти были люди, которые помогли Генриху взойти на престол, в основном вассалы из герцогства Ланкастерского, находившегося в его личном владении до коронации. Это привело к длительному расколу в английской политике, конец которому могла положить только смерть короля. После очередной болезни 20 мая 1413 года он скончался в Иерусалимской палате в резиденции настоятеля Вестминстерского аббатства.

Генрих V, которому трон достался по праву, а не в результате борьбы за власть, стал бесспорным лидером, объединившим Англию. Он был энергичным, харизматичным и решительным королем, одаренным полководцем и мудрым политиком. Успех сопутствовал ему почти во всем: и в управлении страной, и в военном деле. Он сразу же сделал широкий жест и предложил примирение противникам своего отца. По его приказу вскрыли могилу Ричарда II в Кингс Лэнгли в Хартфордшире и перенесли его останки в Вестминстерское аббатство, где тот завещал похоронить себя рядом с женой, Анной Богемской. Главным для Генриха V было использовать близкие отношения с наиболее влиятельными представителями знати, чтобы возглавить войну с Францией. И в этом он невероятно преуспел: меньше чем за два года ему удалось отодвинуть границу вглубь континента дальше, чем когда-либо на протяжении двух столетий со времен Ричарда Львиное Сердце.

Брак Екатерины Валуа и энергичного молодого короля-воина стал кульминацией его дерзкой внешней политики. Короли Англии веками воевали со своей французской родней, но лишь изредка одерживали победы. С 1337 года оба королевства были втянуты в череду особенно ожесточенных военных столкновений, которые мы сегодня называем Столетней войной. Множество взаимных территориальных претензий поддерживали конфликт, а в основе его лежало притязание Эдуарда III, прадеда Генриха V, на то, чтобы стать законным правителем обоих государств. Но сам Эдуард, непревзойденный полководец и хитроумный политик, так и не смог этого достичь. Женившись на Екатерине, Генрих был близок к этой цели как никто. По итогам договора в Труа, скрепленного печатями в городском соборе 21 мая, король Англии не только получал французскую невесту, но и мог теперь именовать себя (как он сам продиктовал в письме) «Генрих, Божьей милостью король Англии, наследник и регент королевства Франции и сеньор Ирландии»¹⁸. По договору в Труа семнадцатилетний брат Екатерины Карл, единственный живой сын Карла VI и королевы Изабеллы, лишился права наследовать французский престол в пользу Генриха и его будущих детей. Так французская корона впервые должна была перейти к англичанину.

К браку двух монарших семей и договору в Труа привело бедственное положение французской короны. На протяжении почти тридцати лет Карл VI страдал от приступов паранойи, бреда, шизофрении и тяжелой депрессии, иногда припадки длились месяцами. Первый приступ случился с ним жарким августовским днем 1392 года, когда он вместе с армией находился неподалеку от Ла-Манша. Карл страдал от жажды, был напуган недавним покушением на одного из ближайших друзей, а еще его привела в ужас встреча с местным сумасшедшим, который прокричал, что впереди короля ждет предательство. На Карла нашло помрачение, и он

---

¹⁸ T. Rymer, Foedera, conventiones, literae, et cujusunque generis acta publica, inter reges Angliae, et alios quosuis imperatores, reges... ab anno 1101, ad nostra usque tempora, habita aut tractata;... In lucem missa de mandato Reginae (London, 1735), IX 907.

с мечом набросился на приближенных, за час убив пятерых¹⁹. В себя он пришел только через шесть недель, и с этого момента психотические эпизоды преследовали его до конца жизни.

Врачи того времени винили в безумии Карла черную желчь, избыток которой вызывал меланхолию и делал человека восприимчивым к потрясениям и болезням. Поговаривали также, что недуг достался ему в наследство от матери, Жанны де Бурбон, которая после рождения седьмого ребенка, дочери Изабеллы, пережила сильнейший нервный срыв²⁰. Каким бы ни был диагноз короля, политические его последствия оказались катастрофическими. Приступы безумия из года в год калечили тело и душу Карла, лишая его дееспособности. Он забывал собственное имя, забывал, что он король, что у него есть жена и дети. Он относился к королеве с подозрением и враждебностью и пытался разбить посуду и стекла с изображением ее герба. Иногда Карла начинало трясти, и он кричал, что тысяча острых железных шипов пронзают его плоть. Он бегал по Отель Сен-Поль, королевской резиденции в Париже, пока не падал, обессилив. Слуги боялись, что король выбежит на улицу и опозорит себя, и заложили почти все двери. Месяцами напролет он отказывался мыться, переодеваться и спал урывками. Известен случай, когда слуги, проникшие в его покои, чтобы вымыть короля и сменить на нем одежду, обнаружили, что тело Карла покрыто коркой из волдырей, а лицо вымазано фекалиями. Для управления страной в периоды все более частых обострений его болезни был создан регентский совет. Но даже в те моменты, когда Карла считали способным править, его могущество подрывал тот факт, что он в любой момент мог снова впасть в безумие.

Помешательство Карла VI привело к вакууму власти во Франции. В Средневековье корона должна была венчать здоровую и ясную голову. Психическое расстройство короля повлекло за собой или по меньшей мере усугубило междоусобицу, вспыхнувшую в 1407 году между двумя сильными группировками французских аристократов и их сторонниками. Главными противниками были Филипп II Смелый, герцог Бургундский, и брат короля Луи Орлеанский, герцог де Валуа. Причинами их вражды стали споры за землю, взаимная неприязнь и, что самое главное, борьба за влияние на регентский совет. 23 ноября 1407 года по приказу Жана Бесстрашного, сына и наследника Филиппа Смелого, Людовик Орлеанский был заколот на одной из парижских улиц пятнадцатью мужчинами в масках. После этого случая убийства и предательства стали неотъемлемой составляющей французской политики. Старший сын Луи, Карл, заключил союз со своим тестем, Бернаром, графом д'Арманьяком, и Франция распалась на два равных по силам противоборствующих блока, к которым примкнули самые влиятельные люди королевства. Так началось противостояние бургиньонов и арманьяков.

Генрих V блестяще сыграл на конфликте двух сторон. В 1412 году он вступил в союз с арманьяками, предложив им поддержку в обмен на признание английского господства над важнейшими территориями на юго-западе Франции, которые издавна были связаны с английской монархией: Пуату, Ангулемом и Перигором. Но этот союз не был долговечным. К 1415 году Генрих потребовал, чтобы Нормандия, Анжу, Мэн, Турень и Бретань также отошли английской короне. Это не было захватом случайных земель – Генрих требовал вернуть территории, которые в XII веке принадлежали его предкам-Плантагенетам: Генриху II и Ричарду Львиное Сердце. Когда арманьяки ответили отказом, Генрих вторгся в Нормандию, осадил и занял Арфлер, порт близ устья Сены. Затем со своим войском он прошел почти всю страну и 25 октября 1415 года, в День святого Криспиана, встретился с огромной французской армией под Азенкуром.

---

¹⁹ Карл убил своего друга, Оливье де Клиссона, констебля Франции.

²⁰ Болезнь Карла всесторонне рассмотрена в: R. C. Gibbons, *The Active Queenship of Isabeau of Bavaria, 1392–1417: Voluptuary, Virago or Villainess* (University of Reading, 1997), 27–40.

Два войска сошлись на распаханном поле. После прошедшего ливня ноги солдат вязли в густой грязи. Несмотря на то что французская армия была раз в шесть больше, за счет превосходной тактики и выдающегося командования преимущество оказалось на стороне англичан. Генрих полагался в основном на лучников, которые могли посеять хаос на поле битвы. От атак кавалерии король защитил их, окружив воткнутыми в землю заостренными кольями. И лучники отблагодарили его, пуская одну стрелу за другой в сторону французов и их лошадей, а затем в пешеходов, которые пытались пересечь поле боя. Численное превосходство ничего не значило, когда с неба дождем сыпались стрелы, а за этим последовала кровавая битва. По словам одного очевидца, «живые падали на мертвых, и те, кто падал на живых, тоже погибали». Для французов сражение стало настоящей катастрофой: они потеряли более десяти тысяч человек, тогда как англичане – всего около ста пятидесяти²¹.

Чтобы не дать врагам перегруппироваться, после битвы Генрих приказал убить тысячи пленных и раненых, оставив в живых только высокопоставленных заложников, за которых потребовал выкуп. Несмотря на такой неблагородный и жестокий поступок, как одержавший громкую победу он был провозглашен героем. Когда новости о случившемся под Азенкуром достигли Англии, страну охватило ликование. А когда сам Генрих вернулся в Лондон после сражения, его приветствовали как нового Александра. Мальчики и девочки с золотой краской на лицах, переодетые ангелами, распевали «Да здравствует цветок Англии, рыцарь христианского мира!», а на улицах выстроили огромные бутафорские замки. «Нет никаких свидетельств, чтобы какой-либо еще король Англии добился столь многого за столь короткий срок и вернулся в свое королевство с таким триумфом», – писал в восхищении хронист²².

В последующие годы Генрих одержал во Франции несколько еще более впечатляющих побед. В июле 1417 года он развернул широкое наступление на Нормандию: высадился в устье реки Тук, осадил и безжалостно разграбил Кан, а затем взял стратегически важные города: Эм, Се, Аржантан, Алансон, Фалез, Авранш и Шербур, а также все крупные города и замки, лежавшие на его пути²³. Столица герцогства город Руан находился в осаде с июля 1418-го до января 1419 года и из-за жестокого голода вынужден был сдаться. Беженцам, изгнанным из города, не позволили пересечь английскую линию фронта, и они умирали голодной смертью на «ничьей земле». К концу лета Генрих стал фактически первым английским королем, правившим Нормандией, со времен своего предка короля Иоанна, изгнанного из Франции Филиппом II в 1204 году. До Парижа было рукой подать.

Англичане вот-вот могли пройти вниз по Сене и достичь Парижа, и объятая ужасом Франция погрузилась в хаос. Если бы бургиньоны и арманьяки преодолели разногласия и вместе выступили против Генриха, королевство могло быть спасено. Но они не смогли. На встрече двух сторон, состоявшейся 10 сентября 1419 года на мосту в городе Монтеро, Жан Бесстрашный, герцог Бургундский, под чьим контролем находились король, королева и двор, был убит сторонником арманьяков – тот топором размозжил герцогу лицо и голову. (Еще много лет после этого череп герцога как диковину хранили монахи-картезианцы в Дижоне. Настоятель, показывая его захваченному в монастырь королю Франциску I, пояснял, что через пролом в черепе англичане и попали во Францию.) После этого королева Изабелла и бургиньоны смирились бы с любым исходом войны, лишь бы не заключать мир с ненавистными предателями-арманьяками. Они предложили Генриху мир в обмен на самое дорогое, что у них было, – французскую корону²⁴. Сознание Карла VI к тому времени помутилось настолько, что

---

²¹ Henrici Quinti Angliae Regis Gratia, quoted in EHD IV 211–218.

²² Henrici Quinti Angliae Regis Gratia, quoted in EHD IV 211–218.

²³ Краткое описание завоеваний Генриха после битвы при Азенкуре см.: J. Barker, *Conquest: The English Kingdom of France 1417–1450* (London, 2009), 1–45.

²⁴ Из-за этого репутация королевы Изабеллы в истории Франции так никогда и не была восстановлена. На нее регулярно клеветают как на величайшую прелюбодейку и изменницу своего времени. Среди бесчисленных сексуальных похождений

он не способен был принимать участие в переговорах о будущем престола. Мир был подписан в соборе в Труа 21 мая 1420 года. Первый пункт договора утверждал брак принцессы Екатерины и Генриха V, короля Англии, а теперь еще и «наследника и регента королевства Франция».

Этот брак стал судьбоносным для обоих королевских домов. Французские принцессы и раньше выходили замуж за английских королей из династии Плантагенетов: именно союз Эдуарда II и Изабеллы Французской в 1308 году привел к смешению кровей двух соперничавших друг с другом королевских домов и в первую очередь спровоцировал Столетнюю войну. Но никогда ранее династии английских и французских монархов не объединялись для того, чтобы обе короны надел один король. Это должно было произойти, когда смерть наконец-то смилостивилась бы над пятидесятиоднолетним несчастным безумцем Карлом и прибрала бы его.

Церемония была пышной. Один хронист позже отмечал, что при помолвке Генрих в знак почтения подарил Екатерине красивое и очень дорогое кольцо²⁵. Он также преподнес церкви, в которой они обвенчались, солидную сумму в двести ноблей. Свадьба проходила по французскому образцу, и перед первой брачной ночью супругов сопровождала в спальню целая процессия, архиепископ благословил королевское ложе и дал молодым отужинать супом и вином²⁶.

В своих письмах домой гости-англичане упоминали о свадебных празднествах лишь вскользь – на повестке дня были вещи посерьезнее. Сразу же после венчания король сообщил рыцарям из ближайшего окружения, что на следующий день они покинут Труа и возьмут в осаду Санс, находившийся на расстоянии одного дневного перехода к западу. Там вместе со своими сторонниками-арманьяками укрывался брат Екатерины, Карл, претендовавший на престол. Не было и традиционного для свадебных торжеств рыцарского поединка. Один парижанин в дневнике сообщил, будто Генрих сказал своим людям, что настоящая схватка под Сансом несоизмеримо важнее потешных боев на турнире: «Мы все можем биться и состязаться и доказать свое мужество и достоинство, так как нет в мире большей доблести, чем наказывать злодеев, чтобы дать жить бедным людям»²⁷.

Генрих со своими сторонниками двинулся дальше продолжать эту долгую кровавую войну, а Екатерине позволено было путешествовать вместе с матерью и отцом. Всю зиму она наблюдала, как солдаты ее мужа, продвигаясь вперед, осаждают город за городом, заставляя оголодавших или обескровленных врагов сдаться. 1 декабря 1420 года она стала свидетельницей того, как ее отец сопровождал Генриха во время его первого официального въезда в Париж. Заключенный в Труа договор вступил в силу, а процесс лишения права наследования ее брата, которого в официальных английских документах называли «Карл, именующий себя дофином», завершился²⁸. Два месяца спустя Екатерина оставила родину и отплыла из Кале в Дувр, чтобы начать новую жизнь за морем. 1 февраля 1421 года она сошла на берег, и тут же началась подготовка к ее коронации.

Англия, какой в начале 1421 года ее увидела Екатерина, была мощной стабильной державой. Пожалуй, никогда еще ей не доводилось быть столь политически единой, как в правление

ей приписывают связь с герцогом Филиппом и то, что дофин был бастардом. Обоснованное восстановление доброго имени королевы см. в: Т. Adams, *The Life and Afterlife of Isabeau of Bavaria* (Baltimore, 2010) and Gibbons, *Active Queenship and 'Isabeau of Bavaria' in Transactions of the Royal Historical Society* 6 (1996).

²⁵ Цит. по: А. Strickland, *Lives of the Queens of England, from the Norman Conquest: With Anecdotes of their Courts* (12 vols, London, 1840–1848), III 97.

²⁶ Там же, III 98.

²⁷ J. Shirley (trans. and ed.), *A Parisian Journal 1405–1449* (Oxford, 1968), 151.

²⁸ Rymer, *Foedera*, IX 920.

Генриха²⁹. На протяжении нескольких столетий монархи из династии Плантагенетов постоянно расширяли границы своей власти, правя страной (как правило) в плодотворном согласии с крупными феодалами, пэрами, членами нижней Палаты общин и церковью. Англия, безусловно, была военной державой с высокими налогами, которые шли на заморские авантюры, но после Азенкура и последующих побед всеобщее ощущение триумфа помогло королевству воспрянуть, несмотря на тяжкое финансовое бремя. Томас Уолсингем, хронист из аббатства Сент-Олбанс в Хартфордшире, писал, что за год до приезда Екатерины многие жили «в бедности и отчаянно нуждались в деньгах... даже простые люди едва могли наскрести несколько пенни на то, чтобы сделать достаточные запасы зерна», он также отмечал, что «этот год был богат пшеницей и принес обильный урожай фруктов»³⁰.

В Средние века государство часто сравнивали с человеческим телом, в котором король был головой. «Когда голова слаба, слабо и тело. Без умелого короля народ дурнеет и распускается», – писал поэт и моралист того времени Джон Гоуэр³¹. В этом отношении Англия и Франция разительно отличались. Генрих, без сомнения, был эффективным, возможно, даже сверхэффективным правителем, и неудивительно, что его королевство процветало. Будучи подростком, он получил отличное образование, необходимое политику, и, став взрослым, действовал решительно и искусно, опираясь на нерушимое, данное от рождения право управлять страной. Он был очень харизматичным, знать любила его и верила ему. Благодаря военным успехам ему удалось создать крепкое воинское братство. У него было три верных ему, талантливых брата: Томас, герцог Кларенс, Джон, герцог Бедфорд, и Хамфри, герцог Глостер. Все они были незаменимы и в управлении страной, и в заграничных военных кампаниях. Английская церковь дала Генриху добро на преследование лоллардов, секты еретиков, которые придерживались учения Джона Уиклифа и имели неортодоксальные взгляды на догматы католической церкви и истинность ее учения. Он обложил подданных высокими налогами, но его личные расходы были на удивление скромны, средства из казны распределялись разумно, а средства, выделяемые на военные действия, оставались под контролем. Жителям английских графств нравились бескомпромиссность и непредвзятость Генриха, с которыми он стремился восстановить королевскую власть и искоренить анархию, охватившую страну в правление его отца. Преступников часто призывали на военную службу – теперь они могли удовлетворить свою тягу к насилию без ущерба для английского общества, разоряя и сжигая французские деревни³².

Всевышний, короля храни,
Его народ и его верноподданных,
Даруй ему бесконечную милость,
Чтобы мы радостно могли воспеть:
Deo gracias! [Хвала Господу!]³³

Вот как прославляли короля в одной из популярных песен того времени. И на то были основания: процветающее английское королевство было отражением добродетели могущественного монарха.

Место Екатерины в ее новых владениях определилось сразу же по приезде. Французский хронист Монстреле слышал, что ее «приняли так, будто она была ангелом Господним»³⁴.

---

²⁹ J. Watts, *Henry VI and the Politics of Kingship* (Cambridge, 1996), 113.

³⁰ Там же, с. 439.

³¹ Gower, quoted in G. L. Harriss, *Shaping the Nation: England 1360–1461* (Oxford, 2005), 588.

³² Gower, quoted in G. L. Harriss, *Shaping the Nation: England 1360–1461* (Oxford, 2005), 588–594.

³³ Песня об Азенкуре напечатана в EHD IV 214–215.

³⁴ Цит. по: Strickland, *Queens of England*, III 101.

Девятнадцатилетнюю королеву окружила свита, выбранная ее мужем. По сведениям, дошедшим до Уолсингема, двор королевы почти полностью состоял из английских аристократок: «У нее на службе не осталось французов, кроме трех женщин достойного происхождения и двух служанок»³⁵. 24 февраля ее короновали в Вестминстерском аббатстве, за этим последовал пир, на котором присутствовала почти вся английская знать и Яков I, король Шотландии, который уже долгое время был заложником при английском дворе. (В 1406 году, когда ему было двенадцать лет, его выкрали английские пираты, и он унаследовал корону, уже будучи в плену. В Англии он получил всестороннее образование и в целом обращались с ним как с почетным гостем.) Пир был торжеством английской кухни. Шел пост, поэтому мясо не подавали, но столы ломились от угрей, форели, лосося, миног, палтуса, креветок, крупных крабов и лобстеров, моллюсков, желе, украшенного геральдическими лилиями, сладких каш и кремов. Воображение поражали изысканные антреме – несъедобные блюда, которые предшествовали каждой перемене основных блюд: пеликаны, леопарды и даже человек верхом на тигре. В каждом из антреме молодая королева была представлена в образе святой Екатерины с колесом, защищающей честь Церкви³⁶.

После коронации Екатерина покинула Вестминстер и присоединилась к королю в поездке по центральным графствам. По пути в Лестер, где она вместе с Генрихом отпраздновала Пасху, Екатерина проехала через Хартфорд, Бедфорд и Нортгемптон. Англия показалась ей благополучной и гостеприимной. «В городах, которые посетили король с королевой, они получили ценные дары золотом и серебром от жителей и прелатов», – писал хронист Джон Стрич³⁷. Генрих не задержался в Англии надолго. Вскоре после Пасхи он получил известие о том, что его старший брат, герцог Кларенс, его помощник и наместник во Франции, был убит в бою в Нормандии. Война не могла ждать, и в июне 1421 года король с королевой пересекли пролив и прибыли в Кале. Екатерина была на третьем месяце беременности.

Будучи в положении, королева пробыла во Франции недолго. Генрих продолжил борьбу с ее братом, а она вернулась в Англию, чтобы дать жизнь еще одному наследнику французского престола. Чтобы благополучно разрешиться от бремени, Екатерина привезла с собой бесценную реликвию – крайнюю плоть Христа. Считалось, что она очень помогает роженицам³⁸. С ее помощью 6 декабря, в праздничный День святого Николая, в Виндзорском замке Екатерина родила здорового мальчика. Тут же зазвонили все до единого колокола Лондона и в городских церквях запели «Тебя, Бога, хвалим»³⁹. Ребенка назвали в честь отца – по-другому и быть не могло. Но двум Генрихам не суждено было встретиться.

Героические победы Генриха V на полях сражений позволили ему заявить о своем законном праве на короны двух государств. Но для того чтобы эти притязания стали политической реальностью, этому необыкновенному человеку потребовалась вся сила духа. Вмешательство во французскую политику усилило раскол между бургиньонами и арманьяками, так как для последних война теперь стала не чем иным, как борьбой за существование. Сторонники дофина намеревались противостоять Генриху любой ценой и пытались укрепить свои позиции, размещая войска в тех крепостях, где это было возможно. Стало ясно, что очередной военный поход будет долгим и изматывающим предприятием.

Начиная с октября и всю зиму 1421/22 года Генрих руководил осадой маленького городка Мо в нескольких милях к северо-востоку от Парижа. Мо был хорошо укреплен, и его защит-

---

³⁵ D. Preest (trans.), and J. G. Clark (intro.), *The Chronica Majora of Thomas Walsingham (1376–1422)* (Woodbridge, 2005), 438.

³⁶ C. L. Kingsford, *Chronicles of London* (Oxford, 1905), 162–165.

³⁷ Strecche in EHD IV 229.

³⁸ Shirley (ed.), *Parisian Journal*, 356 n. 1.

³⁹ B. Wolffe, *Henry VI* (2nd edn, London, 2001), 28.

ники яростно сопротивлялись. Осада, начавшаяся в конце года и затянувшаяся больше чем на шесть месяцев, обернулась бедствием для обеих сторон: гарнизон крепости медленно умирал от голода, а английские солдаты под стенами страдали от зимней стужи. Противостояние затянулось, но Генрих хотел заставить всю Францию признать его права по договору в Труа, а для этого нужно было уничтожить очаги самого упорного сопротивления.

Ближе к концу мая Екатерина оставила новорожденного сына в Англии на попечении нянек и вернулась во Францию, чтобы повидать мужа. Вместе с родителями она провела рядом с ним пару недель. Но уже в начале лета стало ясно, что король не в порядке. В какой-то момент, возможно во время осады Мо, Генрих V заразился дизентерией. Кровавый понос, за которым следовали мучительные боли в кишечнике и тяжелое обезвоживание, часто бывал смертельным, и Генрих об этом знал. Он был опытным военным и наверняка видел, как многих его солдат постигала такая участь. Когда его состояние ухудшилось, Генрих, проявив практичность и предусмотрительность, написал подробное завещание, в котором выразил свою волю относительно того, как должна быть урегулирована политическая жизнь в Англии и Франции после его смерти. 31 августа между двумя и тремя часами ночи он скончался в Венсенском замке, не дожив двух с небольшим недель до тридцати шести. Выдающийся король-воин ушел с той же стремительностью, с какой действовал при жизни. А дома, в Англии, корону должен был унаследовать младенец, которому еще не исполнилось и девяти месяцев. Ему предстояло стать самым юным королем в истории Англии.

Мальчик мог дожить до совершеннолетия (хотя тут не было никаких гарантий), и в этом случае Англия пережила бы самый долгий в своей истории период правления несовершеннолетнего монарха. Подобный прецедент был более чем сомнителен. Со времен Норманнского завоевания три английских короля наследовали корону, будучи детьми, и все они столкнулись с большими трудностями. Генрих III стал королем в шесть лет в 1216 году и в начале правления оказался под контролем властолюбивых министров, которые использовали королевскую власть для обогащения своего и своих сподвижников. Эдуарда III возвели на престол в четырнадцать лет в 1327 году после того, как его отца Эдуарда II силой заставили отречься. На следующие три года вся власть оказалась сосредоточена в руках матери Эдуарда – жадной до власти и жестокой Изабеллы Французской – и ее любовника Роджера Моргимера. Оба были свергнуты в результате кровавого дворцового переворота. Последним монархом, унаследовавшим корону в детстве, стал Ричард II – он взшел на престол в 1377 году в десять лет. Тогда была предпринята попытка править так, как если бы мальчик-король был дееспособным взрослым. Это оказалось трагической ошибкой. Через четыре года после его коронации, в 1381 году, правительство едва не было свергнуто в результате крупнейшего народного крестьянского восстания Уота Тайлера. На период взросления Ричарда пришлось бесчисленные политические распри и беспорядки. Душевные раны его не излечились до самой смерти⁴⁰. В книге Екклесиаста есть строка, которая очень точно отражает состояние Англии при несовершеннолетних правителях: «Горе тебе, земля, когда царь твой отрок и когда князья твои едят рано!»⁴¹

Обстановка осложнилась еще больше, когда 21 октября 1422 года умер Карл VI. Ему было пятьдесят три, и, скорее всего, причиной смерти стали последствия его затяжного недуга. Несовершеннолетний Генрих Виндзорский теперь был не только королем Англии. Согласно договору, заключенному в Труа, он также наследовал подвластное Англии французское королевство, все еще обьятое войной. Тело французского короля было погребено в усыпальнице в базилике Сен-Дени. Королева Изабелла осталась жить во дворце Сен-Поль в прочно занятом англичанами Париже. Некогда она обладала большой, хоть и спорной, властью и во время

---

⁴⁰ Всесторонне тема несовершеннолетних монархов в средневековой Англии рассмотрена в: C. Beem (ed.), *The Royal Minorities of Medieval and Early Modern England* (New York, 2008).

⁴¹ Екклесиаст 10:16.

обострений болезни мужа управляла страной. Но теперь ее политическому влиянию пришел конец. Англичане распустили непристойные (и, вероятно, ложные) слухи о ее возмутительной распущенности и с легкостью заявили, что дофин на самом деле не был сыном Карла VI. Заморские завоеватели полагали, что после смерти безумного короля Франция досталась им.

На похоронах Карла старший из оставшихся в живых братьев Генриха Джон, герцог Бедфорд, нес перед собой государственный меч, чтобы показать всем, что теперь он как представитель своего племянника олицетворяет действующую власть в королевстве.

Но, несмотря на всю помпезность и бравату, от правды было не убежать: первым правителем двух королевств стал беспомощный крошечный младенец. Почти на два десятка лет, несмотря на щекотливую политическую ситуацию и беспрецедентную военную обстановку, они оставались без мудрого руководства. Ничего, кроме беды, ждать не приходилось.

«Мы были в полном здравии»

Короли-мальчики в XV веке были не в новинку, но каждый раз перед государством вставал ряд сложных вопросов. Монарх-младенец, трехлетний ребенок или даже юноша был способен править, но не управлять. В девять месяцев Генрих VI был бесспорно признан законным и легитимным правителем. Тем не менее, пока он не достиг совершеннолетия или не стал достаточно пронизательным для того, чтобы участвовать в управлении страной, все решения в его общественной и личной жизни должен был принимать от его имени кто-то другой. Сам король был не в состоянии назначать сановников и выбирать собственных слуг, вести войну и вершить суд. Он также не мог принимать важнейшие решения, связанные с престолонаследием, на которых основывалась безопасность Англии. Однако все это невозможно было отложить на восемнадцать лет, до момента, когда мальчик превратится в мужчину.

Его отец отчасти предвидел это. В августе 1422 года, находясь на смертном одре, Генрих V собрал сподвижников и оставил им наставления о том, как они должны позаботиться о его сыне и королевстве после его кончины. Согласно дополнениям к завещанию, ответственность за маленького Генриха VI ложилась на брата его деда – Томаса Бофорта, герцога Эксетера. К герцогу переходила полная опека над монархом, он же обязан был выбирать для мальчика слуг. В этом ему должны были помогать люди, беззаветно преданные прежнему королю: прослуживший много лет камергером королевского двора сэр Уолтер Хангерфорд и Генри, барон Фицхью, верный казначей Генриха V. При короле всегда должен был находиться один из них. (Позже их сменили двое военных, также верных его отцу: Джон, барон Типтофт, и Луи де Робесар.) Но что касалось ухода за малышом, тут не было никого лучше матери. И Екатерина де Валуа, сама почти еще ребенок, играла важнейшую роль в воспитании сына в первые годы его жизни.

Двор Екатерины официально был отделен от двора ее сына, но на практике они во многом пересекались. Казна овдовевшей королевы подпитывала финансы сына, также Екатерина влияла на выбор его придворных. За маленьким Генрихом VI ухаживали в основном женщины: главную няньку звали Джоан Эстли, дневную няню – Матильда Фосбрук, камеристку – Агнес Джейкман, прачку – Маргарет Бротерман. Об этих женщинах нам почти ничего не известно, но невозможно представить, чтобы Екатерина не имела права голоса при их выборе, ведь они проводили с мальчиком намного больше времени, чем она сама. Когда Генриху исполнилось два года, бывшая служанка Екатерины, Алиса Бутийер, была назначена королевской гувернанткой. Королевский совет выдал ей официальное разрешение на то, чтобы время от времени пороть Генриха, не опасаясь возмездия, если он будет нарушать дисциплину. Даже когда король повзрослел и в его окружении появилось больше мужчин, влияние Екатерины все равно было заметно. В 1428 году за образование Генриха стал отвечать Ричард Бошам, граф Уорик, которому было наказано внушить мальчику идеалы рыцарства и благородного правления. И духовник Генриха, Джордж Артертон, и главный казначей его двора, сэр Уолтер Бошам, ранее служили при дворе Екатерины⁴².

Молодая вдовствующая королева владела обширными землями и имениями по всей Англии и Уэльсу, включая крупные уэльские замки Флинт, Рудлан и Бомарис, внушительную крепость Нерсборо в Йоркшире, замки Хартфорд, Лидс и Плешы в Кенте, а также Уоллингфорд, старинный королевский замок, который был капитально отремонтирован и переделан для нужд и удобства Екатерины. Она жила то в одной из любимых резиденций, то в другой, но чаще останавливалась рядом с сыном в великолепных дворцах в долине Темзы, особенно в Виндзоре, Вестминстере и Элтеме.

---

⁴² R. A. Griffiths, *The Reign of King Henry VI* (Stroud, 1981), 51–57; Wolffe, *Henry VI*, 29–38.

Элтемский дворец в Кенте был излюбленной королевской резиденцией более ста лет, и именно там протекали первые годы жизни маленького короля. Екатерина считала дворец просторным, величественным, роскошным и удобным, а маленького Генриха манили многочисленные закоулки, которые можно было исследовать. Дворец окружал обширный, площадью в несколько акров, парк и ландшафтные сады, в которых рос виноград. Каменные мосты изящными арками изгибались над рвами и вели ко множеству хозяйственных построек. Юный король мог наткнуться на поваров на кухне или в кладовой, уютный аромат свежее испеченного хлеба тянулся по утрам из пекарни, экзотические пряные запахи окутывали хранилище специй. Дворец стал собственностью английских монархов в 1305 году и начиная с 1350-х трижды существенно перестраивался. В начале правления Генриха были выделены дополнительные средства на то, чтобы сделать дворец более современным и приспособленным для воспитания юного монарха⁴³. Элегантные, отделанные деревом комнаты с каменными печами соединялись галереями с большой королевской часовней. По вечерам Екатерина могла принимать гостей в павильоне и в зале для танцев, в то время как двор короля располагался во внутренних помещениях. В центре находились личные покои Генриха: в двух печах полыхал огонь, свет проходил через витражные окна, украшенные птицами, причудливыми орнаментами и личными регалиями Генриха IV, дедушки монарха по отцу. Королевский герб и короны обрамляли девиз старого короля: *Soueiñex vous de moy* («Помните меня»)⁴⁴. В этих покоях и в похожих комнатах в других английских дворцах юный Генрих постепенно вырос и становился королем. Здесь он возился с игрушками и драгоценностями, которые ему дарили на Новый год, сидел на уроках своего учителя, оксфордского профессора и доктора медицины Джона Сомерсета, зубрил молитвы, по праздникам смеялся над придворными шутами, такими как Жакке Травай, или над актерской труппой евреев из Абингдона. Здесь он учился играть на двух органах, которые были в его распоряжении, и, облаченный в специально для него сделанные «маленькие доспехи», с ранних лет слушал наставления по военному искусству и учился обращаться с мечом. За закрытыми дверями Генрих жил не как король, а как молодой принц. Его воспитывали и учили, любили, развлекали и (иногда) наказывали так же, как и всех мальчиков из монарших семей до него. Но с публичной стороны королевской власти все обстояло гораздо сложнее.

В Англии правительство, как колесо вокруг оси, вращалось вокруг личности короля. Уже сложившийся государственный аппарат был довольно сложно устроен. Клятва, которую король приносил на коронации, обязывала его по государственным вопросам консультироваться с высокопоставленными представителями знати, либо созывая официальный совет, либо менее формально – когда он считал нужным – интересоваться мнением наиболее влиятельных людей в Англии. Когда речь заходила о налогах, королю приходилось действовать совместно с представителями своей страны – Палатой лордов и Палатой общин во время созыва парламента. Правосудие вершили служащие, подчинявшиеся Канцлерскому суду, а государственными финансами занималось казначейство, старинный бюрократический институт.

Но несмотря на всю разветвленность и сложность, английская система управления не могла работать сама по себе. То, насколько успешно действовала государственная машина, и благополучие королевства в целом все еще полностью зависели от личных качеств короля. Свободная воля монарха была тем волшебным ингредиентом, который позволял запустить работу королевского правительства. Король мог разрешать споры между крупными феодалами, бороться с нарушениями и сбоями в государственной системе, в целом быть лидером страны и задавать направление ее развития. Таким образом, уверенный, решительный, умеющий убеждать король-воин Генрих V был способен управлять объединенным государством

---

⁴³ Об истории Элтемского дворца см.: R. Brook, *The Story of Eltham Palace* (London, 1960).

⁴⁴ H. M. Colvin, *History of the King's Works* (London, 1963), II 934–935.

и поддерживать в нем мир. И напротив: при неуверенном, не внушавшем доверия, неудачливом и неумелом в бою, не наделенном мудростью правителе (каким был Ричард II) королевская власть стремительно слабела, а страну терзали междоусобицы⁴⁵.

Само собой, ребенок не мог выполнять все эти королевские функции, и разница между «управлять» и «править» чувствовалась особенно остро. Тем не менее с того дня, как Англия узнала о смерти Генриха V, буквально все политическое сообщество в едином порыве стремилось к тому, чтобы управлять страной от имени короля, распорядившись его властью ответственно и с осторожностью.

Согласно предсмертным распоряжениям Генриха, старший из его оставшихся в живых братьев Джон, герцог Бедфорд, теперь отвечал за происходящее во Франции⁴⁶. С таким решением сложно было поспорить: Бедфорд был предполагаемым наследником французского престола, рассудительным, набожным и трудолюбивым человеком, осмотрительным политиком и лордом, во всех делах и облике которого без особых усилий с его стороны сквозило величие человека королевской крови. Куда большие сомнения вызывали распоряжения Генриха, связанные с английским правительством. По одному из дополнений к завещанию, младший брат Генриха Хамфри, герцог Глостер, должен был стать опекуном маленького Генриха VI до его совершеннолетия. Возможно, имелось в виду, что теперь Глостер будет нести личную ответственность за образование и воспитание нового короля. Но также «опекунство» можно было трактовать как полноправное регентство Глостера и то, что подчиняться он будет исключительно королю.

Многие в Англии согласились бы со второй трактовкой, так как почти все были о Глостере самого высокого мнения. Образованный и культурный человек широких познаний и разнообразных интересов: от английской, французской и итальянской поэзии и итальянского гуманизма до алхимии, которая тогда была очень популярна среди интеллектуалов, он нанимал в качестве секретарей иностранных ученых, финансово поддерживал художников и писателей, коллекционировал книги, а при дворе у него царили утонченность и эрудированность. Кроме того, он был ветераном битвы при Азенкуре, а английский народ очень любил его красавицу-жену Якобу Баварскую, графиню Геннегау, на которой Хамфри женился в 1423 году. Многие аристократы из его окружения не разделяли радикально агрессивные взгляды Глостера на внешнюю политику, но, несмотря на это, в Лондоне были уверены, что он защищал торговые интересы страны и будет отстаивать интересы английских торговцев.

И все же, несмотря на все эти качества и бесспорную популярность среди англичан, в Глостера в окружении нового короля верили не все. Он был поклонником высокой культуры, но вместе с тем иногда вел себя эгоистично и смотрел на других свысока. В военной карьере он стремился создать образ рыцаря, но трое его младших братьев производили куда более мощное впечатление: Генрих V был несравненным полководцем и притягивал к себе людей, Томас, герцог Кларенс, не думал о смерти и бесстрашно бросался в бой, Джон, герцог Бедфорд, был расчетливым стратегом. Глостер же шел на поводу у бездумной горячности и упускал из виду тактические соображения. Его стремление добиться любви и восхищения народа отдалило его от братьев, которые тоже заявляли права на власть, и его лидерские позиции были на удивление шаткими. К тому же в 1428 году Глостер разрушил свой рыцарский образ, когда бесцеремненно отстранил от себя графиню Геннегау, аннулировал их брак и сошелся с одной из ее фрейлин, умной и соблазнительной дочерью барона Элеонорой Кобхем. Оба брата – и старший Бедфорд, и младший Глостер – производили величественное впечатление, но в случае с Хамфри за внешним великолепием почти ничего не скрывалось.

---

⁴⁵ Концептуальные основы правительства и то, как оно в действительности функционировало в начале XV в., см.: Watts, Henry VI, 13–101.

⁴⁶ На самом деле, по завещанию Генриха, регентство над Францией было вначале передано Филиппу Бургундскому Доброму с оговоркой, что, если он откажется, это право перейдет Бедфорду. После смерти Карла VI именно это и произошло.

Неудивительно, что, когда условия завещания Генриха V были обнародованы, Глостера общими усилиями попытались отстранить от того места в системе управления, которое дало бы ему личную власть и которого он так страстно желал. Объединившись с другими лордами из королевского совета, сопротивление возглавил герцог Бедфорд. В декабре 1422 года Глостера вызвали на заседание парламента, впервые состоявшееся при новом короле, и даровали ему титул «Покровителя и защитника королевства Англии и английской Церкви и главного советника короля». Сам титул производил сильное впечатление, но существенно ограничивал Глостера, который утрачивал свои права каждый раз, когда старший брат, герцог Бедфорд, возвращался в Англию. Ни Глостер, ни кто-либо другой не становился наместником короля, его наставником, гувернером или регентом. Герцог был всего лишь наиболее видной фигурой среди тех, кто вошел в попечительский совет – первый подобный прецедент в английской истории, – задачей которого было управлять от имени Генриха, но так, чтобы король-ребенок воспринимался как самостоятельная публичная фигура.

Глостер был жестоко разочарован. И даже крупное жалованье, которое он получал соответственно новому титулу, не отменяло того факта, что его обошли и что даже его родной брат, с которым в целом герцог был в хороших отношениях, считал его неспособным самолично управлять Англией. Однако, надо отдать ему должное, Глостер не отошел от политики и не задумался над тем, чтобы поднять мятеж. Его гордость была уязвлена тем, что его отстранили, но, похоже, он, как и все приближенные монарха, осознавал, что после смерти Генриха V страна оказалась в опасности. Общими усилиями нужно было обеспечить стабильное правление до совершеннолетия короля или как минимум на ближайший десяток лет. Иначе Англии грозило бы такое же бедственное положение, в каком пребывали заморские соседи-французы. В свете этого решение отстранить Глостера и отдать предпочтение коллегиальной форме правления, создавая иллюзию того, что маленький король и есть истинный правитель, можно было считать в равной степени и выворачиванием государственной системы наизнанку, и – одновременно – блистательным ходом.

Впервые в присутствии короля парламент собрался в Вестминстере осенью 1423 года, когда Генриху VI не исполнилось еще двух лет. У средневекового парламента не было собственной власти, этой властью его наделял правитель, будь то младенец, взрослый мужчина или страдающий недержанием старик. Поэтому в пятницу 12 ноября королева Екатерина приготовилась вместе с сыном покинуть его детскую в Виндзоре и, проехав с ним через зажиточные города и деревни на северном берегу Темзы, доставить короля в Вестминстер, где в соответствии с давней традицией он встретится с представителями своих подданных. Виндзорский замок был еще великолепнее Элтемского дворца, он словно вышел из сказок и вобрал в себя все, что ассоциировалось с благородной монархией и рыцарством. Над окружавшим его рвом поднимался лес башен и башенок, внутри располагались великолепно расписанные залы и роскошные жилые покои, а также пышно украшенная часовня Святого Георгия, являющаяся также часовней ордена Подвязки. Именно из этого безмятежного места на второй неделе ноября и увезли маленького короля, которому было всего 23 месяца и в котором начала просыпаться собственная воля, которой он вскоре лишится.

Генриху эта поездка представлялась сомнительной. Несмотря на благополучное ее начало и неусыпную заботу нянюшек, путешествие не доставляло ему радости. После первого дня в дороге процессия остановилась переночевать в Стейнсе. Утром в воскресенье 13 ноября, когда Генриха поднесли к матери, которая уже сидела в карете и была готова выехать в сторону Кингстона и Вестминстера, король закатил по-настоящему королевский скандал. «Он кричал, визжал, метался и плакал и не позволил нести его, – писал один лондонский хронист, – поэтому

его отнесли обратно на постоянный двор, где он провел все воскресенье»⁴⁷. Только пробыв в своих комнатах еще сутки, Генрих успокоился и позволил отвезти себя в парламент. И вот наконец 18 ноября он прибыл и, сидя на коленях у матери, был представлен подданным. Вероятно, Генрих без всякого интереса выслушал благодарности спикера парламента от Палаты общин Джона Расселла, который говорил о том, какое огромное «удовольствие и радость его величество доставил всем, прибыв и заняв свое законное место в парламенте»⁴⁸.

Все это может показаться изощренной и странной политической игрой, но она тем не менее имела важнейшее значение для всех ее участников. Королевская власть была священна, и предпринимались все усилия, чтобы вовлечь маленького Генриха в исполнение необходимых ритуалов. Каждодневными делами занимался совет, действовавший согласно установленным правилам и имевший постоянный состав. С самого начала в него входили семнадцать человек, которые согласовали порядок и процедуру собраний. Для принятия решений необходим был кворум из четырех человек. Совет вел подробные протоколы, записывал имена тех, кто принял то или иное решение, и выполнял основные функции королевской власти. Он торговал титулами и должностями, только если это было финансово выгодно короне, а не для того, чтобы оказать кому-то политическое покровительство. Он обладал тайной, но абсолютной властью над всей королевской казной и являл собой настолько непредвзятый политический орган, насколько это было возможно.

При этом короля при первой же возможности старались вовлечь в эту игру. В первый месяц правления Генриха в Виндзоре прошла торжественная церемония передачи Большой печати Англии – важнейшего инструмента королевской власти – из рук лорда-канцлера прежнего короля, Томаса Лэнгли, епископа Дарема. Обступившие мальчика в его покоях виднейшие представители знати и епископы Англии внимательно наблюдали за тем, как «канцлер передал королю Генриху мешочек из белой кожи, скрепленный печатью означенного консула, с большой золотой печатью покойного короля внутри, и король [руками герцога Глостера] передал ее на хранение [хранителю архива свитков], который увез ее в Лондон»⁴⁹. На следующий день печать отнесли в парламент и торжественно передали на хранение служащему королевской казны.

Конечно, это был спектакль. Но момент, когда крошечные мягкие пальчики короля коснулись гладкой белой кожи мешочка с печатью, ощутимо укрепил основы английской власти. Та же самая церемония еще раз прошла два года спустя в Хартфордском замке, где король должен был передать печать брату своего деда, Генриху Бофорту, епископу Винчестерскому, который, в свою очередь, был назначен канцлером⁵⁰. Когда королю было пять лет, лорды – члены совета предельно четко зафиксировали в протоколах свою позицию: «Как бы то ни было, король, находящийся сейчас в нежном возрасте, сегодня наделен той же властью, какая останется при нем и позднее, в любое время в будущем»⁵¹.

Порой попытки создать иллюзию личного правления короля выглядели комично. Сохранились официальные письма, написанные в период раннего правления Генриха VI, оформленные не как распоряжения взрослых, правящих от имени ребенка, но так, будто сам ребенок был полностью дееспособным взрослым, который лично диктовал королевские послания. Одно из таких писем, адресованное герцогу Бедфорду во Францию 15 мая 1423 года, когда королю не исполнилось еще и полутора лет, начиналось так: «Преданный и возлюбленный наш дядя, приветствуем тебя от всего сердца и, чтобы утешить тебя, сообщаем, что, пока писали это,

---

⁴⁷ Kingsford, *Chronicles of London*, 279–280.

⁴⁸ Kingsford, *Chronicles of London*, 281.

⁴⁹ CCR Henry VI 1422–1429, 46.

⁵⁰ CCR Henry VI 1422–1429, 54.

⁵¹ РОПС III 233.

хвала Господу, мы были в полном здравии, вверив себя Богу, и желаем вам того же...»⁵² Через пять лет на заседании парламента в короле заметили признаки готовности править: «Король, да благословит его Господь... сильно подрос и повзрослел лицом, разумом и рассудительностью и с Божьего позволения через несколько лет будет властвовать единолично»⁵³. Королю тогда было шесть.

На деле совет продолжал править на протяжении всех 1420-х годов. В тех ситуациях, когда традиционно требовалось вмешательство взрослого монарха, например при разрешении споров видных дворян в графствах, система взаимных клятв помогала сохранить мир. Не всегда напрямую, но в большинстве случаев совету удавалось поддерживать порядок. Только однажды, в 1425 году, из-за личной вражды двух наиболее могущественных и потенциально опасных людей Англии – недовольного регента Хамфри, герцога Глостера, и богатого и влиятельного брата деда короля Генри Бофорта, епископа Винчестера, – власть в королевстве оказалась под угрозой.

29 октября 1425 года Лондон бурлил от возбуждения. Новый мэр, Джон Ковентри, недавно избранный и вступающий в должность, во время официального празднества получил срочное сообщение, призывавшее его и других влиятельных горожан встретиться с герцогом Глостером. Прибыв к герцогу, мэр получил указание как можно скорее обеспечить защиту Лондона. Ему сообщили, что на южной стороне Лондонского моста, на городской окраине в Саутуарке, собралось войско под командованием Бофорта. Верные епископу лучники и латники якобы готовились на следующий день захватить Лондон, отыскать всех сторонников Глостера и устроить в городе бесчинства. Впереди была долгая бессонная ночь. Горожанам было велено не терять бдительности и готовиться отразить нападение.

Этот конфликт имел долгую предысторию. И Глостер, и Бофорт, одаренные и опытные люди, играли одинаково важные роли в совете при малолетнем короле. В отсутствие герцога Бедфорда они в равной степени отвечали за поддержание мира, но их взгляды на внешнюю и внутреннюю политику часто не совпадали. Это порождало взаимное недоверие и враждебность.

Масштаб личности Глостера был всем известен, но Бофорт представлял собой фигуру не менее внушительную. Он был вторым сыном прадедушки Генриха VI, Джона Гонга, и его третьей жены, Екатерины Суинфорд. В 1417 году, при папе Мартине V, он стал кардиналом и папским легатом. Личную власть и богатство кардиналу обеспечивал Винчестер – самая богатая епархия Англии, а уважение в обществе он приобрел благодаря долгой службе. К своим пятидесяти Бофорт уже более двадцати лет занимал высокое положение и щедро поддерживал королевскую казну крупными ссудами. В 1425 году он был канцлером Англии и одним из самых ярых сторонников управления страной советом. Вероятно, Бофорт, консерватор от природы, помог сформировать оппозицию регентству Глостера среди лордов – членов совета. Неудивительно, что эти двое не были, как емко выразился один хронист, «добрыми друзьями»⁵⁴.

В 1425 году их вражда и взаимная подозрительность достигли пика. Летом прошлого года Глостер допустил серьезную ошибку, когда возглавил пользовавшуюся популярностью, но неразумную военную кампанию против Нижних земель, стремясь удовлетворить притязания своей жены на графство Геннегау. К сожалению, землями жены Глостера владел ее первый

---

⁵² POPC III 86–87.

⁵³ PROME 1428.

⁵⁴ J. Gairdner (ed.), *The Historical Collections of a Citizen of London in the Fifteenth Century* ('Gregory's Chronicle') (1876), 159. Подробно спор Глостера и Бофорта рассмотрен в: Griffiths, Henry VI, 73–81; G. L. Harriss, *Cardinal Beaufort: A Study of Lancastrian Ascendancy and Decline* (Oxford, 1988), 134–149; L. Rhymer, 'Humphrey Duke of Gloucester, and the City of London' in L. Clark (ed.), *The Fifteenth Century* 8, 47–58.

муж, Жан Брабантский, которого поддерживал герцог Бургундский, главный союзник Англии в борьбе с арманьяками во Франции. В свое время Бофорт потратил немало сил и времени на то, чтобы склонить герцога на свою сторону. Достаточно было бы и того, что необдуманное наступление Глостера возмутило бургундцев. В довершение к этому и сама кампания провалилась. К тому же она подстегнула агрессивные антифламандские настроения в Лондоне, и город лихорадило от выступлений против иностранцев и от вооруженных стычек на улицах. Бофорт как канцлер попытался утихомирить столицу. Он назначил нового смотрителя лондонского Тауэра, некоего Ричарда Вудвилла, решив, что это поможет вернуть спокойствие. Но жители сочли, что в нависавшую над городом крепость посадили проправительственную марионетку, и почувствовали себя униженными. Это лишь распалило их ярость. К 1425 году кардинал Бофорт в глазах столичных жителей превратился в злейшего врага, который водил дружбу с иноземцами и был против коренных лондонцев.

И вот вечером 29 октября все возрастающее напряжение привело к взрыву. Бофорт решил, что его племянник намеревается поехать из Лондона в Элтемский дворец и взять в плен юного короля, тем самым символически захватив источник власти, что привело бы к государственному перевороту. Маловероятно, чтобы Глостер на самом деле хотел выкрасть короля, но Бофорт не собирался полагаться на его благонадежность. Он занял Саутуарк, и, когда над не сомкнувшим глаз городом встало солнце, лондонцы бросились к берегу реки и увидели, что южная сторона Лондонского моста перегорожена огромными цепями и тяжело вооруженные солдаты расставлены через равные промежутки, «как будто здесь шла война, как будто они воевали с солдатами короля и нарушили мир». На северном конце моста Глостер и новый мэр закрыли городские ворота. Результатом этого противостояния, скорее всего, стала бы смертельная схватка на мосту. В городе началась паника. «За час в Лондоне закрылись все лавки», – писал хронист⁵⁵.

Однако сражение так и не состоялось. Ярости, кипевшей по обеим берегам Темзы, хватило бы на то, чтобы окрасить кровью водовороты под узкими пролетами моста. Но, к счастью, в Англии нашлись и не такие горячие головы, как два рассерженных дяди короля. Главными среди них были Генри Чичели, архиепископ Кентерберийский, и Педру Португальский, герцог Коимбры, двоюродный брат короля Генриха, который много путешествовал и в тот момент находился при английском дворе как почетный гость⁵⁶. Весь день 30 октября они лихорадочно вели переговоры и восемь раз отправляли гонцов от одной стороны к другой, пока в конце концов не договорились о перемирии.

Давняя вражда поутихла. На следующий день Бофорт написал возмущенное письмо своему племяннику Джону, герцогу Бедфорду, умоляя его вернуться из Франции и взять в свои руки пошатнувшуюся власть: «Если ты желаешь благополучия его величеству королю, его землям Англии и Франции, себе самому и нам желаешь добра, поспеши сюда, – писал он. – Если же ты замешкаешься, то, честное слово, мы учиним битву, и это будет для нашей страны испытанием. Таков уж твой брат. Да сотворит из него Господь хорошего человека»⁵⁷. В январе Бедфорд приехал и год занимался тем, что восстанавливал спокойствие.

---

⁵⁵ J. Gairdner (ed.), *The Historical Collections of a Citizen of London in the Fifteenth Century ('Gregory's Chronicle')* (1876), 159.

⁵⁶ Педру, герцог Коимбры, был вторым сыном Филиппы Ланкастерской и короля Жуана I. Его дедом по материнской линии был Джон Гонт, таким образом, Педру приходился Генриху VI двоюродным братом. Герцог был известен своими путешествиями по всей Европе и позже вернулся в Англию еще раз в 1420-е годы на коронацию Генриха VI.

⁵⁷ Kingsford, *Chronicles of London*, 84.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.